

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

LXXXI, 1

**ИЗМЕНЕННЫЙ
И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ
КОДЕКС ДЕВИЗА ЦАРСТВОВАНИЯ
НЕБЕСНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ
(1149–1169)**

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА,
ПЕРЕВОД С ТАНГУТСКОГО,
ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
Е.И. КЫЧАНОВА
В 4^х КНИГАХ

КНИГА I
ИССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин, А. Н. Болдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), *И. С. Брагинский, Г. Ф. Гирс* (зам. председателя), *В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деоник, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (председатель), *Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели, Э. Н. Темжин* (отв. секретарь), *С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян*

Ответственный редактор

В. А. Якобсон

Первая из четырех книг научной публикации выдающегося памятника средневекового права — составленного в XII в. кодекса тангутского государства Си Ся (982—1227). Памятник обнаружен в составе коллекции тангутских рукописей и ксилографов, найденных П. К. Козловым в развалинах «мертвого города» Хара-Хото. Он хранится в Рукописном собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, его публикация — результат многолетней работы д-ра истор. наук Е. И. Кычанова. Первая книга издания содержит исследование памятника. Его сопровождает резюме на английском языке.

И 1202000000-045
013(02)-88 130-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985», вышедшей в свет в 1986 г. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

- XXII. 4. Сыма Цянь Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986
- XXII 5 Сыма Цянь Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.
- LXI Мелә Махмұд Байазиди. Тавәрих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. 1. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. статья Л. Н. Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, коммент. и введение О. М. Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введение И. Е. Петросян. М., 1987
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Аравьякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
<i>Часть первая.</i> «Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное процветание (1149–1169)» — памятник тангутского права	11
1. Памятники тангутского законодательства. Краткое описание	11
2. История составления «Измененного и заново утвержденного кодекса» и имеющих к нему отношение памятников тангутского законодательства	17
3. Структура памятника	37
<i>Часть вторая.</i> Тангутское право	41
I. Лица	41
II. Учение о преступлении	46
1. Преступление и его участники	47
2. «Десять зол»	55
III. Наказания	66
1. Система наказаний	66
2. Дополнительные наказания и заменяющие наказания	79
IV. Применение наказаний	84
1. Сроки ношения траура по умершим родственникам как критерий меры наказания	84
2. «Восемь суждений»	86
3. Лишение чиновников рангов, должностей и титулов взамен мер уголовного наказания. Ранги тангутских чиновников	90
4. Откуп от наказания	100
5. Талион, композиция и атимия	102
6. Неприменение наказания	104
7. Некоторые нормы права, регулировавшие исполнение приговоров	107
V. Процессуальное право	110
1. Обнаружение преступления. Донос	110
2. Задержание преступника. Следствие и суд. Отправка к месту отбывания наказания	121
VI. Уголовное право	144
1. Преступления против личности	144
а) Убийство	144
б) Причинение ранения	152
в) Оскорбление, клевета	157
г) Половые преступления	157
2. Преступления против имущества	160
а) Кража и ограбление (неказенное имущество)	161
б) Кража казенного имущества	169
в) Поджог и затопление	171
3. Должностные преступления	173
а) Взятка	173
б) Некоторые другие должностные преступления	176

VII. Гражданское право	179
1. Вещные права. Собственность	179
а) Собственность на землю	180
б) Налоги и трудовые повинности	191
в) Собственность на скот. Налоги со скота. Законы о скоте	203
г) Служба складов	220
д) Собственность на людей. Пхинга и нини — лично несвободные люди в тангутском государстве, принадлежавшие частным лицам	228
е) Люди, принадлежавшие государю (государству). «Постоянно живущие» («чанчжу»). Отроки	246
ж) О праве собственности у тангутов. Разделенная собственность	260
2. Залог	266
3. Обязательственное право	273
а) Договор займа	274
б) Договор хранения	281
в) Договор товарищества	282
г) Договор купли-продажи. Законы о торговле	282
д) Договоры мены, найма, аренды	293
4. Находка	296
5. Законы о браке и семье	297
а) Брак	297
б) Развод	303
в) Семья	308
г) Внебрачные дети и усыновление	312
6. Наследование	315
VIII. Административное право. Центральный аппарат управления	317
1. «Ожидающие приказаний»	318
2. Центральный аппарат управления	326
3. Наследование должностей и кандидатство на должность	338
4. Гонцы с пайцзаями и железными стрелами. Почтовые станции, мосты, дороги, переправы	342
5. Встречи и проводы посольств. Иноплеменники в Си Ся	350
6. Повседневная деятельность управлений: подача прошений, делопроизводство, типы документов, чиновники с особыми полномочиями	356
7. Высочайшие запреты. Регламентация жертвоприношений	360
IX. Административное право. Местная администрация	366
1. Административное деление и местная администрация тангутского государства	366
2. Гвоны. Учет населения. Хозяева	378
3. Беглые	390
4. Некоторые правовые аспекты хозяйственной деятельности администрации Си Ся	392
X. Административное право. Правовое положение буддийских общин и даосских монахов в тангутском государстве	401
XI. Военное право	422
1. Общие положения	422
2. Пограничная служба	442
Заключение	454
Summary	458

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издатель данного памятника – тангутского «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное процветание (1149–1169)» – считает, что тот отрядный факт, что он может представить на суд читателя первый перевод его, целиком связан с успехами тангутоведения за последние тридцать с лишним лет. Выход в свет капитального труда лауреата Ленинской премии проф. Н. А. Невского «Тангутская филология» (1960 г.) дал новый и мощный толчок тем разрозненным исследованиям, которые велись до того времени в Японии (Нисида Тацуо) и Советском Союзе (З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов). Под непосредственным воздействием публикации трудов Н. А. Невского в 1962 г. работы по тангутоведению были возобновлены в Китае¹, где они еще в 20–30-х годах активно велись и ныне здравствующим профессором Ван Цзинжу. Результатом работы трех последних десятилетий явились не только три реконструкции фонетики тангутского языка (Нисида Тацуо, М. В. Софронов – на первом этапе работы М. В. Софронова вся дешифровка тангутских источников реконструкции была проделана Е. И. Кычановым, – Бай Бинь, Ши Цзиньбо, Хуан Чжэнхуа), существенные успехи в освоении его грамматики (Нисида Тацуо, М. В. Софронов, К. Б. Кепинг), уяснение сущности системы «загадочного» тангутского письма (Нисида Тацуо, Е. И. Кычанов, М. В. Софронов, Э. Д. Гринстед, Гон Хуанчери (Гун Хуачэн), Ли Фаньвэнь, Лук Квантен), написание историй тангутского государства Си Ся с частичным привлечением материалов тангутских источников (Е. И. Кычанов, Р. Даннел, У Тяньчи, Чжун Кань, У Фэньюнь, Ли Фаньвэнь, Линь Люйчжи), завершение инвентаризации тангутской коллекции Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Е. И. Кычанов, А. П. Терентьев-Катанский, К. Б. Кепинг) и коллекции Британского музея (Э. Д. Гринстед), издание или подготовка к изданию ряда памятников тангутской письменности (Нисида Тацуо, Э. Д. Гринстед, К. Б. Кепинг, В. С. Колоколов, Е. И. Кычанов, А. П. Терентьев-Катанский), но и то важное обстоятельство, что совместными усилиями всего небольшого меж-

¹ Ли Фаньвэнь. Си Ся яньцзю луньцзи. Иньчуань, 1983, с. 188–189.

дународного сообщества тангутоведов был накоплен такой запас дешифрованной тангутской лексики, который позволил сделать качественный скачок в работе с тангутскими текстами – переход от прочтения отдельных отрывков или частей тангутского текста к его сплошному прочтению даже в тех случаях, когда этот текст оригинальный, т. е. не переведен с китайского или тибетского языков, и перевод должен делаться без сопоставления малоизвестного (тангутского) текста с известным (китайским или тибетским) текстом.

Большим вкладом в тангутоведение стали раскопки могил тангутских императоров и исследование китайскими тангутоведами сохранившихся фрагментов текстов надгробий. Это позволило выявить ранее неизвестные специфические (по сравнению с титулами китайских императоров) титулы императоров Си Ся².

В настоящее время задача, безусловно, состоит в том, чтобы опубликовать и, таким образом, сделать достоянием для всех желающих работать в тангутоведении как можно больше тангутских текстов. Ленинградские тангутоведы, располагающие этими текстами, как раз и прилагают все усилия для работы именно в этом направлении, исследуя издаваемые тексты в зависимости от их личных научных интересов и квалификации.

«Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное процветание» занимает особое место среди памятников тангутской письменности. Это не только один из ранних и довольно полно сохранившихся памятников дальневосточного и средневекового права вообще, а такие памятники немногочисленны, но и одновременно важный и, возможно, пока единственный источник расширения знаний о многих сторонах жизни тангутского общества и государства. Прочтение кодекса позволило составить словарь социальных и юридических терминов тангутского языка.

Издатель памятника, начав свою работу в конце 60-х годов, минимум трижды переводил его от начала и до конца, прежде чем решился представить свой перевод на суд читателя. В том, что памятник верно прочитан в целом, нас убеждает то, что нам удалось установить сходство всех основных норм тангутского права с соответствующими китайскими. Начиная работу, издатель надеялся найти в кодексе Си Ся нечто более оригинальное – «свое» право, связанное с давними обычаями, регламентацией кочевого быта и т. п. За исключением отдельных частных случаев, этим надеждам не дано было осуществиться. Но и то, что получено из кодекса, сторицей воздает за затраченный труд. Надеемся, что коллеги и читатель смогут лично убедиться в этом.

² Ли Фаньвэнь. Си Ся линму чуту цаньбэй суйбянь. Пекин, 1984; Бу Пин. Си Ся хуанди чэнхао као. – Нинся шэухуэй кэсюе. 1981, с. 72–82.

Предисловие

Переводчик допускает, что в переводе могут быть неточности или прямые ошибки, связанные с нашим общим недостаточным на сегодняшний день знанием языка (знание не всех, особенно специально терминологических значений знаков, наличие, пусть и крайне незначительное, знаков, значение которых нам пока неизвестно, незнание отдельных особенностей грамматики языка) и предмета. Но спрашивается: где и когда такие памятники, памятники не только такого объема, но и содержания, были прочтены и переведены сразу без неточностей и ошибок? Без их дальнейшего и тщательного исследования не только другими специалистами, но и учеными не одного поколения? Такова судьба первых переводов и исследований — их начинают исправлять и дополнять³. Но, не сделав первого шага, нельзя отправиться в путь!

Поэтому, давая «Измененному и заново утвержденному кодексу» путевку в жизнь более чем через семьсот лет после первого его опубликования, представляя свой труд на суд коллег и читателей, издатель вправе рассчитывать на понимание тех трудностей, которые стояли на его пути (некоторые из них он, возможно, и не смог преодолеть), и с готовностью ожидает критических замечаний, за которые заранее благодарен.

³ Так произошло при подготовке китайского перевода текста словаря «Море письмен» (перевод на русский был завершён в 1965 г., издан в 1969 г.). Китайские коллеги делали свой перевод через 15 лет после публикации словаря советскими издателями, используя все те успехи мирового тангутоведения, о которых говорилось выше. И тем не менее их критические замечания в адрес советских коллег — это скорее влияние политической ситуации прошедших лет, чем общепринятая научная критика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тангутском государстве Си Ся, как мы, надеемся, сумели показать выше, были восприняты, хотя и с определенными видоизменениями, все основные принципы средневекового китайского права, так, как они в первую очередь были отражены в кодексах династий Тан и Сун. Административный аппарат Си Ся тоже в основных своих чертах копировал китайский.

Как известно, право разных народов мира сформировалось в несколько правовых систем. Так, европейское право подразделяется на романо-германскую правовую семью, сложившуюся на основе римского права, и семью общего права (common law), в основе которой лежит право английское. Точно так же на Дальнем Востоке сложилась система дальневосточного права, основу которого составило средневековое китайское право династии Тан. «Понятие правовой семьи предполагает главным образом сходство структуры права»¹. На примере тангутского права мы видели, что структура тангутского и китайского права и основные нормы права, образующие эти структуры, совпадали. Точно так же совпадали структуры права средневековых Китая и Японии, Китая и государств Корейского полуострова, Китая и Вьетнама². Играя активную роль, рецепированное право влияло затем и на формирование структур социальных, приближая социальную организацию Си Ся и других сопредельных с Китаем стран, прежде всего господствующего класса, бюрократии, к соответствующей китайской. Это было влияние китайской системы права, это была ее рецепция, но рецепция добровольная, совсем не означавшая, что император Си Ся или японский император и органы власти Си Ся или Японии были лишь «отколовшейся местной китайской политической властью».

Первыми известными нам заимствованиями китайской административной организации и рецепциями права были таковые в Бохае, государствах Корейского полуострова – Когурё, Силла и Пэкче, а также в Японии. Ниида Нобору разобрал подробно сохранившиеся сведения о законах Корё (Гаоли, 918–1392) и до-

¹ Рене Давид. Основные правовые системы современности. М., 1967, с. 98.

² См. подробнее: Ян Хунле. Чжунго фалюй цзай Дун-я чжу го чжи инсян. Шанхай, 1937.

казал их совпадение с теми или иными положениями законодательств династий Тан, Сун и Цзинь³. Весьма основательно проделал эту работу для всех стран, рецепировавших китайское право, Ян Хунле в уже упоминавшейся нами работе. Он приходит к выводу, что рецепция права и основ административной системы была относительно полной, хотя и не абсолютной, что подтверждается и неизвестным Ян Хунле тангутским правом. Каждая из рецепирующих стран допускала изменения образца, вызванные разными соображениями. По заключению Ян Хунле, японцы, например, слегка упростили и в чем-то сократили танский образец. Вместо «десяти зол» они ввели «восемь жестоко-стей» – «хати гяку», не изменив существо этого института, и вместо «восьми суждений» – шесть. Вся система танских наказаний была облегчена на одну степень, была сокращена сфера привлечения чиновников к общеслужебной ответственности («лянь цзо») ⁴.

По-разному заимствовались и различные составные части структуры права. Если большинство законов группы «люй» были заимствованы почти прямо, то при заимствовании законов группы «лин», т. е. той сферы, где наиболее полно могли проявляться местные особенности, возрастало число изменений и отличий⁵. Специфика обнаруживалась в сфере социальной, где были сильны традиции. Если китайское право не признавало наследования по женской линии, то корейское, например, устанавливало, что «если не было внука, то [наследовала] внучка»⁶. В той же Корее мужчина (очевидно, знатный), виновный в похищении детей, при совершении преступления в первый раз ссылался в отдаленную местность, а при рецидиве обращался в «санъхо», простолюдина⁷. Такое наказание (если речь не идет о лишении рангов и должности) и порядок наказания не были известны в Китае. Японские «лины» точно так же, в отличие от китайских, позволяли дочерям, наложницам и незаконнорожденным детям получать половинную долю наследуемого имущества⁸. Вообще, как отмечает Симада Масао, японское право – «лины Ёро» («Ёро рицу») – свидетельствует о более высоком общественном положении женщины в Японии, чем в Китае⁹.

³ Ниида Нобору. То-Со-но хо-то Корё хо.— Тахо гаку. 1965, т. 30, с. 3–21.

⁴ Ян Хунле. Чжунго фалюй цзай Дун-я чжу го чжи инсян, с. 6.

⁵ Там же, с. 201.

⁶ Там же, с. 5.

⁷ Ниида Нобору. То-Со-но хо-то Корё хо, с. 5.

⁸ Симада Масао. Тоё хоси. Киото, 1974, с. 176.

⁹ Там же, с. 177. Недавно на русском языке появились две важные публикации материалов по японскому праву: см.: Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984; он же. Свод законов «Тай-хорё» 702–718. Вступ. статья, перевод с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. М., 1985.

Рецепция права предполагает наличие центра с высокоразвитой правовой культурой или центра с высоким уровнем социального и культурного развития и большой политической мощью, способного влиять на те страны, которые заимствуют право. Таким центром — одновременно высококультурным, политически мощным и с развитой правовой культурой — был на Дальнем Востоке для I и начала II тысячелетия н. э. Китай. Рецепцию права его соседями мы должны прежде всего рассматривать как составную часть общего культурного и политического влияния Китая на соседей. Немаловажными условиями рецепции китайского права соседями Китая на Дальнем Востоке были, во-первых, заимствование письменности (Япония, Корея, Вьетнам) или создание своих систем письма под влиянием китайского письма (тангуты, кидане, чжурчжэни) и, во-вторых, создание административных органов по образцу китайских. Это, как мы уже говорили выше, не означало слепого копирования. Дж. Крамп, исследователь «линов», по его терминологии, «кодекса Ёро», очень остроумно заметил, что японское «синизированное правительство, представленное кодексом Ёро, является таким прекрасным примером японской способности импровизировать на основе иностранной идеи, что термин „заимствование“, когда он применяется к формам бюрократии Ёро, является почти бесполезным»¹⁰. В целом это замечание относится и ко всем соседям Китая, хотя и в разной степени.

Теоретически рецепция права предполагает одинаковый или близкий уровень социально-экономического развития. Это условие в общей форме было налицо при заимствовании китайского права Кореей, Японией, Вьетнамом, тангутами Си Ся. Будучи воспринятым, право, в свою очередь, влияло на формирование общественных отношений стран, заимствовавших его.

Не только фактом публикации текста «Измененного и заново утвержденного кодекса», перевода его на русский язык, но и в определенной мере прилагаемым к нему исследованием, в котором тангутское право часто сопоставлялось с китайским, мы показали в общих чертах характер рецепции тангутами китайского права. Она происходила в тех же условиях и на тех же основах, что и рецепция китайского средневекового права другими соседями Китая. Тангутский материал, естественно, не мог быть учтен исследователями, прежде всего в таких фундаментальных работах по этому поводу, как «Влияние китайских законов на государство Восточной Азии» Ян Хунле и «История законов Восточной Азии» Симада Масао. Ни тот, ни другой автор, ни один из известных нам прочих исследователей, касавшихся данной проблемы, не ставили знака равенства между рецепцией

права и отрицанием независимости страны, это право воспринявшей. Рецепция средневекового китайского права Японией или Кореей совсем не означала для них потери независимости и превращения этих стран в «местную политическую власть», получающую влияние из центра (читай: от власти центральной). Точно так же и рецепция тангутами китайского права, административной системы, определенных сторон чисто китайской идеологии и культуры, создание своего письма по китайскому образцу не означали, что тангутское государство Си Ся не являлось независимым государством.

Тангуты и их государство Си Ся — прошлое Дальнего Востока и Центральной Азии, и то, что сохранилось от их цивилизации до наших дней, должно быть изучено и оценено подлинно научно, беспристрастно.

Тангутское право — составная часть этой исчезнувшей цивилизации. Благодаря случайности оно сохранилось лучше, чем то, что осталось от средневекового права Японии, Кореи, киданей, чжурчженей и прочих современников Си Ся. Можно с уверенностью сказать, что публикация тангутского кодекса в значительной мере поможет специалистам по истории дальневосточного права полнее представить себе процесс его формирования, а сам «Измененный и заново утвержденный кодекс» займет достойное место в числе тех немногих памятников средневекового права, которые неумолимый ход времени сохранил до наших дней.

¹⁰ *Crump J. J.* «Borrowed» T'ang Titles and Offices in the Yoro Code.— Occasional Papers. Center for Japanese Studies. 1952, № 2, с. 47.

SUMMARY

The Revised and Newly Endorsed Code for the Designation of Reign 'Celestial Prosperity' (1149-69) is the fundamental law code of the Tangut Hsi-Hsia state (982-1227). It was found in May-June 1909 by the Russian traveller P. K. Kozlov in the dead city of Khara-Khoto (the Edzina aimak, the Autonomous Region of Inner Mongolia in China). It is now in the Tangut collection of manuscripts at the Institute of Oriental Studies (Leningrad), USSR Academy of Sciences.

The Hsi-Hsia, or the Tangut is a dead language. The last 25 to 30 years of its studies were successful enough to read the Tangut texts and publish them with parallel translations into modern languages. All the available Tangut texts can conventionally be divided into three groups: translations of the Buddhist canon (originally in the Chinese or the Tibetan languages), translations of Chinese civic writings (Confucian classical texts, military treatises, documents, etc.), and original Tangut writings (glossaries, law texts, documents, etc.). Texts in the third group are most interesting and not numerous; they are virtually lacking in foreign collections.

The present code survived in 150 odd fragments which have been arranged by chapters, restored and stitched into books. Several fragments have duplicates. The publication combines a complete text of over 1200 pages. Also survived is the list of all chapters, the total of 1460. We estimate that the original text had 800 folios (Tangut pagination) or 1600 modern pages which suggests that the text is complete 78 per cent to 80 per cent.

The code was compiled under the Tangut emperor Jen-hsiao for the designation of reign of Celestial Prosperity (1149-69), by a commission of twenty three, including seventeen Tanguts and six Chinese. There were two earlier works: a military code, *The Jade Mirror of Military Command of the Chen-kuan Reign* (1101-13), also available in fragments; and an unknown to us code of the Tangut state, the one that was "revised and newly endorsed". It is mentioned in the survived fragments of *The Jade Mirror*.

The Tangut code is a Far Eastern legal monument based on the Chinese law. It differs, however, from Chinese codes of that time compositionally and by the arrangement of articles. China had two basic legal systems, *lü* and *ling* (criminal laws or codes and administrative statutes). The Tanguts combined both in their code and altered the arrangement of articles. In Chinese codes an article first

outlines the standard of law and then details it while the Tanguts adopted a type of article used in contemporary codes. If an article was too large it was divided into paragraphs detailing more specific cases in the limits of a given standard of law.

The code incorporated 20 chapters. Chapter 1: regulations traditionally classified by the Chinese as 'Ten Abominations' or offenses against the emperor, the state and the moral standards endorsed by the state and the society. Chapter 2: the application of the measure of punishments (privileges for the merits before the state, correlation between the official title and the measure of punishment, application of the measure of punishment to those who are aged, juvenile or physically and/or mentally disabled, etc.). The chapter also features a conventional system of relations between relatives when they are mourning for a dead, used to coordinate the measure of punishment in case of offenses against each other.

Chapter 3: offences involving illicit goods obtained through malfeasance (robbery by stealth or by force), and legal regulations affecting mortgage or borrowing agreements. Chapter 4: the rules for the frontier guard. Chapter 5: the regulations affecting the giving, keeping and accounting of state-owned war horses, armour and weapons. Chapter 6: mobilization regulations and punishment to persons failing to observe them. Chapter 7: laws affecting the runners from among the Hsi-Hsia and foreigners subject to Hsi-Hsia rule, government prohibitions (e. g. making and possession of weapons), the treasury's monopoly of foreign trade, labour services. Chapter 8: crimes such as arson, offenses against individuals (unpremeditated woundings or killings), marriage laws. Chapter 9: the criminal process specifying investigation, questioning and judgement. Chapter 10: a list of Tangut administrative bodies and the regulations dealing with promotion. Chapter 11: articles deal with three groups of problems: receptions and departures of foreign embassies, the life of Buddhist and Dao Hsi-Hsia communities and certain regulations dealing with use of property. Chapter 12 has three sections: malfeasance involving annual tax registers and labour services registers, concealment or loss of important documents, definition of the responsibilities of persons "awaiting an edict" or the guards and emperor's officials. Chapter 13: the right to accuse and rules for sending *paizha* (tally) messengers. Chapter 14: personal offenses (fist fights and injuries resulting therefrom). Unfortunately, only few pages of the chapter survived.

Chapter 15: the economic activity in Hsi-Hsia (land tax, irrigation). Chapter 16 is totally missing. The contents suggest that it could contain tenancy laws. Chapters 17 and 18: laws regulating the work of state-owned storages and a few laws relating to domestic trade in Hsi-Hsia. Chapter 19 is devoted to animal husbandry. Chapters 15-19 deal exclusively with economic matters in the Tangut state. We cannot but regret that Chapter 16 has not survived and the

rest of the chapters have numerous lacunae. The final Chapter 20 is related to punishments (death penalty, penal servitude, flogging).

This edition is published in four volumes. Volume 1 gives information about this code and other survivals of Tangut law (*The Jade Mirror, New Laws*, manuscript No. 4189). It is mostly a study. Tangut law is considered by sections: personal status, crime and its participants, crimes falling under the 'Ten Abominations', the penal system, application of punishments, process law, criminal law, offenses against individuals, crime involving property, misappropriations), civil law (law of possession: property rights, mortgage, compulsory law, borrowing agreement, buying and selling, marriage and family laws), administrative regulations, military law.

The text itself is divided into three volumes: Volume 2 (Chapters 1-7), Volume 3 (Chapters 8-12), Volume 4 (Chapters 13-20). There are not many commentaries to the translation since we believe that Volume 1 is explicit enough in this sense. Philological comments are left outside the scope of the present work. The glossary features the main juridical terms, geographic names, titles, and basic administrative bodies of Hsi-Hsia.

Tangut law was part of Far Eastern law and, on the whole, assimilated the basics of Chinese law. We try to show the similarity as well as major and slight differences therebetween. In spite of the apparent successes of the European, American and Japanese science in the studies of Chinese law in the past decades it is not adequately studied yet. In fact, no studies of any significance dedicated to medieval Chinese law appeared in China. This could not but affect the standard of our study as well. The code helped to reveal certain institutions specific to Tangut society. *Gwon* deserves special mention as the main military, administrative and economic cell of Tangut society, as does the existence of a class of personally deprived *phingga* (slaves) and *nini* (slave women) opposed to personally 'clean' or free.

Describing property law in Tangut society we deemed it necessary to address ourselves to a thesis, made by noted Soviet law historian Prof. A. V. Venediktov, on *dominium divisum* as a form of property helping to explain the phenomena specific to many precapitalist societies, including Hsi-Hsia: the possession of *phingga* and the right of the master to the property of the *phingga* and his family members, certain restrictions to buying and selling land, property right to *ch'ang chu*, or people given free to Buddhist temples by the treasury, etc.

Rather than seeking an excuse, we objectively evaluate the results of the many years of work (started in 1968) and would like to warn the reader against any error or inaccuracy one may come across in the text. The reasons for this are many and substantial (inadequate knowledge of the dead Tangut language, the specifics of terminology and its continuing to be virtually unknown) complicated by sub-

jective reasons (the translator learned the Tangut language by himself). The basic legal terminology of the Tangut language was clarified by way of recurrent translations of the text. Therefore, though we hope that our translation is on the whole adequate, we stress that further work on the text must be done by all those interested in it, more so that texts of this volume and content, as the history of science testifies, are translated into various languages and studied more than once over decades and even centuries. Our duty, as we felt it, was to give a new lease on life to this interesting and important medieval monument of the Far East and Central Asia, which has survived all the adversities of time. This time not as an active law code, but as a survived link in the many centuries of the law history of all countries and nations.